

ТРАНСФОРМАЦИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У ПОТОМКОВ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Исследованы трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока в период со второй половины XIX в. до наших дней. На основе обобщения результатов полевых исследований, статистических данных и этнографических описаний разных лет выявлены социокультурные, политические и демографические факторы, оказавшие на них влияние. Подвергнуты анализу специфические самоназвания переселенцев, отражающие их этнокультурный и социальный статус.

Ключевые слова: белорусы; этническое самосознание; крестьянские переселения; Сибирь; Дальний Восток.

На протяжении последних десятилетий в отечественной этнографии появился целый ряд работ, посвященных изучению различных аспектов традиционной культуры белорусских крестьян, переселившихся на территорию Урала, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX в. [1–6] и др. Во многих из этих исследований в той или иной мере затрагивались вопросы этнической идентичности переселенцев [7–10] и др. Несмотря на это, на сегодняшний день еще не предпринимались попытки систематических исследований трансформаций этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев, проживавших в разных регионах азиатской части России в хронологических рамках со второй половины XIX до начала XXI в.

В основу данного исследования легли полевые материалы, собранные автором на территории 12 регионов Сибири и Дальнего Востока в период с 2009 по 2017 г. В ходе большинства этнографических экспедиций были проведены интервью с представителями первого, второго и третьего поколений потомков белорусских крестьян-переселенцев, рожденных в 1910–1960-е гг. В статье приводятся упоминания ряда наиболее часто повторяемых (типичных) высказываний информаторов, отражающих особенности их этнического самосознания. Также исследование опиралось на данные национального состава регионов Сибири и Дальнего Востока, отраженные в переписях населения с 1897 по 2010 г., и на анализ научных публикаций и историко-краеведческих изданий разных лет.

Особенности формирования территориально-этнографических групп белорусских крестьян-переселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке были обусловлены тем, что на момент массовых аграрных миграций второй половины XIX – начала XX в. этническое самосознание большинства их представителей еще не было сформировано. Об этом свидетельствует широко бытующее на территории Белоруссии тех лет самоназвание «тутэйшыя», которое не является этнонимом [11]. Этнограф А.Е. Богданович отмечал: «Если вы к таким белорусам обратитесь с вопросом – кто они такие в смысле национальности, то очень многие вам только и смогут сказать, что они “тутэйшыя”, т.е. здешние... И к вашему заявлению, что они русские или белорусы, они отнесутся довольно скептически: называй, дескать, как хочешь...» [12. С. 15]. В опросах информаторов, проживающих в разных регионах, которые помнили своих предков – первопоселенцев,

отчетливо выражен повторяющийся сюжет, связанный с тем, что на вопрос «откуда вы?» последние чаще всего отвечали «из Расеи (России)». При этом наиболее часто среди переселенцев преобладала не этническая, а региональная самоидентификация. К примеру, переселенцы из Могилевской губернии именовали себя «могилевскими», «могилями», «могулями» и т.д. Старожил деревни Татьяна Шегарского района Томской области Василий Родиков, 1929 г.р. отмечал, что поселившиеся здесь выходцы из Белоруссии разделяли друг друга на «минских» и «витебских», по губерниям, откуда они были родом. Основные различия этих групп он объяснял диалектными особенностями их языка, различиями в проведении праздников и обрядов и некоторых других традиций. Данную ситуацию можно назвать типичной ввиду того, что подобные рассказы были зафиксированы нами среди потомков белорусских переселенцев, проживающих во многих других регионах Сибири и Дальнего Востока. По мнению ряда исследователей, земляческие этнонимы типа «речичане», «полочане», «могилевцы» еще во времена Древней Руси обозначали субэтнические общности с полной социальной структурой, с особенностями языка, культуры, самосознанием [13]. Однако, рассматривая самоназвания других групп восточнославянских переселенцев, можно прийти к выводу, что подобная региональная самоидентификация была свойственна не только белорусам. На это указывают такие часто встречающиеся в Сибири самоназвания проживающих в сельской местности русских и украинцев, как «вятские», «пермские», «рязанские», «черниговские», «полтавские» и т.д.

На территории Сибири среди белорусских переселенцев широкое распространение получило название «самоход». Его также нельзя рассматривать в качестве этнонима. Скорее, оно отражает социокультурный статус крестьян-новопоселенцев, независимо от их национальной принадлежности. К примеру, на вопрос о смысле слова «самоход» проживавшая в основанной белорусами деревне Борки Вилуловского р-на Тюменской обл. Акулина Кузьмовна Жарикова, 1915 г.р., отвечала: «Потому что пришли самоходом. Наши деды приходили пешком сюда в Сибирь с России». В Сибири самоходами, как правило, называли поздних переселенцев из европейской части России, Белоруссии и Украины, проживавших в непосредственной близости от челдонов, с которыми было принято

отождествлять русское старожильское население Сибири [14]. Таким образом, понятия «самоход» и «челдон» представляли собой своеобразные смысловые оппозиции, дифференцировавшие население аграрной среды Сибири на новопоселенцев и старожилов. Это подтверждает тот факт, что в ходе этнографических экспедиций территория распространения зафиксированного нами названия «самоход» у потомков белорусских переселенцев простиралась от Зауралья до Прибайкалья. На Дальнем Востоке упоминание этого понятия нами не было зафиксировано. Это можно объяснить тем, что на территориях «позднего освоения» разные группы переселенцев находились в более или менее равных социально-экономических условиях, что способствовало их быстрой этнокультурной консолидации [15. С. 71].

Среди отдельных локальных групп белорусских крестьян-переселенцев, проживающих в Сибири, можно выделить частные случаи самоназваний, которые отражали их специфический сословный или социальный статус. К их примерам можно отнести «панцирных бояр». По предположениям В.В. Вешнякова, «панцирные бояре» как особое служилое сословие могли сложиться еще в XIV в. во время правления великого князя Витовта [16. С. 83]. Первоначально они несли конную службу с тяжелым вооружением и занимали промежуточное положение между мелкой шляхтой и тяглыми крестьянами. После присоединения в конце XVIII в. восточных территорий Речи Посполитой к Российской империи «панцирные бояре» вошли в сословие государственных крестьян. Возделывая землю, они продолжали заниматься охраной приграничных рубежей и полицейской службой. Само понятие «панцирные бояре» к тому времени стало анахронизмом, однако сохранилось в качестве самоназвания этой локальной группы [17. С. 20]. В 1840–1860 гг. в результате аграрной реформы П.Д. Киселева несколько общин панцирных бояр, проживавших на территории Себежского и Невельского уездов Витебской губернии, переселились в ряд районов Западной Сибири. После полутора столетий жизни в Сибири самоназвание «панцирные бояре» сохранилось в исторической памяти потомков переселенцев [18].

Приведенный выше обзор свидетельствует о том, что в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. среди белорусских крестьян национальная самоидентификация не имела распространения. Внутренний характер миграций предопределял акцент на идентичности, связанной с принадлежностью к определенной местности, региону, локальному сообществу или переселенческой группе. Как отмечала Л.Е. Фетисова, «до XX в. этноним “белорус”, применявшийся в официальных документах, не являлся самоназванием, которое объединяло бы различные этнографические группы, продолжавшие именовать себя по территории обитания» [3. С. 4].

В 1920-е гг. на территории БССР начала проводиться политика белорусизации. В ее задачи входило строительство национальной культуры, в котором важное место занимало развитие белорусского литературного языка и его повсеместное использование в

общественной жизни и образовательных учреждениях. Белорусизацию можно рассматривать в качестве частного проявления коренизации – политики Советского государства, направленной на продвижение в союзных республиках на руководящие должности представителей местных национальностей, а также формирование национальной интеллигенции. Основным толчком к началу белорусизации послужила речь И.В. Сталина на Десятом съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 г. В ней говорилось: «Здесь я имею записку о том, что мы, коммунисты, будто бы насаждаем белорусскую национальность искусственно. Это неверно, потому что существует белорусская национальность, у которой имеется свой язык, отличный от русского, ввиду чего поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке. (...) Лет 40 тому назад Рига представляла собой немецкий город. Но так как города растут за счет деревень, а деревня является хранительницей национальности, то теперь Рига – чисто латышский город. Лет 50 назад все города Венгрии имели немецкий характер, теперь они мадьяризированы. То же можно сказать о тех городах Украины, которые носят русский характер и которые будут украинизированы, потому что города растут за счет деревни. Деревня – это хранительница украинского языка, и он войдет во все украинские города как господствующий элемент. То же самое будет с Беларусией, в городах которой все еще преобладают белорусы» [19. С. 216–217].

Во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. отголоски белорусизации докатились до мест компактного проживания выходцев из Белоруссии на территории Сибири и Дальнего Востока. О начале активного использования этнонима «белорус» в местах компактного проживания переселенцев свидетельствуют результаты Всесоюзной переписи населения 1926 г.¹ По ее данным, на территории Сибирского края проживало 320 320 белорусов, из них сельское население составляло абсолютное большинство – 311 329 человек. В Дальне-Восточном крае проживало 41 124 белоруса, из них сельское население составляло 36 186 человек [20].

Данные переписи населения 1926 г. представляют большой интерес для исследования трансформаций этнического самосознания белорусских крестьян-переселенцев по целому ряду причин. Во-первых, в ее задачи впервые входила дифференциация восточнославянского населения СССР на русских, украинцев и белорусов. В инструкции по заполнению формуляров переписи указывалось: «Для уточнения записи об украинской, великорусской и белорусской народностях в местностях, где словом “русский” определяют свою народность представители трех этих народностей, необходимо, чтобы лица, называющие при переписи свою народность “русский”, точно определяли, к какой именно народности: украинской, великорусской (русской) или белорусской они себя причисляют» [21. С. 201]. Таким образом, именно в этот момент на государственном уровне были выработаны определенные критерии, позволяющие причислить тех или иных людей к представителям белорусской национальности. При этом результаты переписи де-

монстрируют, что эти критерии были успешно применены не только к населению БССР, но и к переселившимся с ее территории в Сибирь и на Дальний Восток крестьянам и их потомкам, которые ранее не обладали развитым этническим самосознанием. Во-вторых, следует учесть, что перепись была проведена спустя 10 лет после завершения самой масштабной волны аграрных переселений в Сибирь и на Дальний Восток, но, в то же время, она отражает данные до начала процессов коллективизации и индустриализации, серьезно изменивших принципы расселения и демографические процессы в селе. Таким образом, результаты первой Всесоюзной переписи населения 1926 г. могут дать примерные представления о масштабах крестьянских переселений из Белоруссии в азиатскую часть России и удельном весе белорусских переселенцев в разных регионах. В табл. 1 представлены данные по регионам Сибири и Дальнего Востока с наибольшей численностью белорусского населения.

Таблица 1

Количество белорусов, проживавших на территории Сибири и Дальнего Востока, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г.², чел.

Округ	Сельское население	Городское население	Всего
Уральская область			
Ирбитский	9 316	68	9 384
Ишимский	2 854	78	2 932
Тюменский	2 249	116	2 365
Сибирский край			
Канский	50 487	329	50 816
Тарский	43 757	199	43 956
Новосибирский	36 657	782	37 439
Тулунский	30 556	607	31 163
Ачинский	30 079	70	30 149
Барабинский	25 413	361	26 270
Томский	25 333	741	26 074
Красноярский	20 171	1597	21 768
Минусинский	10 077	200	10 277
Омский	9 482	1954	11 436
Славгородский	7 962	86	8 048
Барнаульский	4 895	445	5 340
Иркутский	4 694	339	5 033
Кузнецкий	3 732	331	4 063
Каменский	3 318	135	3 453
Бийский	2 539	149	2 688
Рубцовский	1 780	160	1 940
Дальне-Восточный край			
Амурский	13 586	1 386	14 972
Хабаровский	10 926	960	11 886
Владивостокский	8 722	1 156	9 878
Зейский	1 787	320	2 107

Следует отметить, что приведенные выше данные нельзя рассматривать в качестве показателей, способных точно отразить реальные объемы переселений крестьян, которых по сегодняшним меркам можно отнести к этническим белорусам. К примеру, нередко фиксировалась ситуация, когда переселенцы католического или униатского вероисповедания впоследствии отождествлялись с поляками. Размытой этнической идентичностью обладали многие крестьяне, переселившиеся в Сибирь и на Дальний Восток с территории российско-украинско-белорусского пограничья. В особенности это касается выходцев из Черниговской губернии. По предположению Е.Ф. Карского, на

ее территории в конце XIX – начале XX в. проживало около 700 тыс. белорусов [22. С. 189]. Большинство из них были жителями деревень, тогда как в городском населении губернии преобладали украинцы. По данным Ю.В. Аргудяевой, в составе прибывших в Южно-Уссурийский край за период с 1858 по 1914 г. крестьян преобладали выходцы из Украины (69,95% от общего числа переселенцев). При этом среди них доминировали уроженцы Черниговской губернии (40,8% от числа переселенцев с Украины) [23. С. 27]. Л.Е. Фетисова обратила внимание на типичную для них ситуацию затруднения самоидентификации, свойственную населению контактной зоны. При этом, «поскольку Черниговская губерния входила в состав Малороссии, где было более развито представление о национальной принадлежности, возникла тенденция к перемене самосознания в пользу доминирующего этноса» [3. С. 25]. Поэтому потомки переселенцев, являвшихся белорусами, нередко были склонны отождествлять себя с украинцами или русскими, отталкиваясь от территориальной принадлежности мест выхода предков либо оказываясь быстро растворенными в среде более многочисленных представителей родственных славянских народов. Выделение этнических белорусов из общей массы переселенцев, обосновавшихся на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX в., также значительно затрудняет схожесть многих элементов традиционной культуры у русских, украинцев и белорусов, проживавших на территории Полесья. Поэтому в современных этнографических исследованиях материальной и духовной культуры потомков белорусских крестьян-переселенцев на Дальнем Востоке на первый план выходит выявление ее косвенных маркеров, во многих случаях проявляющих себя вне связи с этническим самосознанием носителей тех или иных традиций. Подобный подход доказал свою состоятельность в исследованиях отдельных компонентов традиционной культуры белорусских переселенцев. Одним из их удачных примеров можно считать монографию Л.Е. Фетисовой «Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья» [3]. В ней из большого массива полевых фольклорных материалов, собранных в 1970–1990 гг. на территории Приморского края, автору удалось выделить белорусские вариации календарной и свадебной обрядности, а также необрядового фольклора. При этом большинство носителей этих традиций, чьи предки являлись переселенцами из Черниговской губернии, напрямую не отождествляли себя с белорусами. Еще одним примером применения на практике подобного методологического подхода стала проведенная нами в 2015 г. этнографическая экспедиция, в ходе которой были исследованы особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края. В результате визуального осмотра жилых и хозяйственных построек, планировки усадеб, а также опросов информаторов о бытовавших ранее строительных приемах в ряде сел и деревень нами были выявлены некоторые особенности строительной культуры, типичные для белорусского Полесья, несмотря на то что основу населения значительной части этих поселений составляли потоки переселенцев

из Черниговской губернии, не считавшие себя белорусами [24]. Следует отметить, что выявление определенных элементов традиционной культуры, аналогичных их прототипам, бытующим в Белоруссии, с помощью применения сравнительно-исторического метода в данном случае могут лишь частично указать на этническую принадлежность их носителей. Это связано с присутствием множества родственных черт в различных элементах традиционной культуры белорусов, украинцев и русских, проживающих на территории Полесья.

Несмотря на то что далеко не у всех белорусских переселенцев сформировалась собственная национальная идентичность, белорусизация, проводимая в ряде мест их компактного проживания, имела успех. В 1927 г. в ряд районов Сибирского края была направлена комиссия Наркомпроса РСФСР, которая выработала меры по созданию в них школ, преподавание в которых должно было вестись на белорусском языке. Планировалось создание белорусского отделения в Новосибирском педагогическом техникуме [2. С. 122–126]. Следует отметить, что в среде восточнославянских крестьян-переселенцев белорусизация по своим масштабам значительно уступала украинизации. Если в эти годы на территории Сибири и Дальнего Востока были созданы десятки украинских национальных районов, то статус белорусского национального района получил лишь Таборинский район Уральской области (ныне Свердловская обл.).

Причиной наделения района этим статусом в 1932 г. Свердловским обкомом партии послужил тот факт, что, по примерным подсчетам, около 65–70% его населения составляли белорусы [25. С. 343]. Первым шагом к созданию национального района стала «коренизация аппарата» – формирование сельсоветов и других органов власти из белорусов. Предпринимались попытки перехода на белорусский язык в делопроизводстве, а также в начальном и среднем образовании. Для этих целей в районном центре, пос. Таборы, была открыта школа по изучению белорусского языка, посещение которой стало обязательным для большинства служащих. Были организованы восьмимесячные курсы для школьных учителей, проходившие на территории Белоруссии. Специальные 25-дневные курсы по изучению белорусского языка и основ советского кооперативного строительства были организованы и на территории Таборинского района, в деревнях Добрино, Носово, Озёрки и Пальмино. Для подготовки учительских кадров был открыт Таборинский белорусский педагогический техникум, объявивший набор на 1932/33 учебный год [11. С. 343]. Однако уже во второй половине 1930-х гг. эксперимент по созданию белорусского национального района был полностью свернут. Причиной этому послужили как внешние, так и внутренние обстоятельства. К первым из них относились произошедшие в тот период изменения во внутренней политике СССР, направленные на борьбу с «местным национализмом» [2. С. 127]. Еще одним фактором, повлиявшим на неудачу эксперимента, стала достаточно пассивная реакция на нововведения населения района. Данная ситуация была характерна и для других регионов Сиби-

ри. Из нее можно сделать вывод о том, что основным результатом белорусизации в отдельных местах компактного проживания переселенцев стало начало использования для этнической самоидентификации их населения этнонима «белорус». При этом белорусизация не оказала существенного влияния на сложившиеся ранее особенности традиционной культуры переселенцев.

В 1930-е гг. создание колхозов и совхозов, во многих случаях сопровождавшееся ликвидацией небольших деревень и хуторов, способствовало быстрому стиранию культурных различий между представителями разных территориально-этнографических групп восточнославянского населения. Этот процесс еще более усугубил демографический провал, возникший в годы Великой Отечественной войны. Зафиксированные нами рассказы многих информаторов свидетельствуют о том, что именно после нее во многих семьях потомков переселенцев были окончательно утрачены традиции поддержания брачных связей с выходцами из одной местности.

Во второй половине XX в. на фоне модернизации жизненного уклада советской деревни сложившиеся в среде белорусских переселенцев региональные и этнические формы самосознания продолжали размыться. Отдельные элементы традиционной культуры, привнесенные из мест выхода переселенцев, продолжали свое бытование в латентном или фрагментарном виде, преимущественно среди представителей старших поколений. Как правило, наибольшую устойчивость этнические традиции выходцев из Белоруссии сохраняли в небольших деревнях, имевших периферийное положение и сохранивших однородность своего населения.

Примечательно, что в конце 1950-х – 1960-е гг. при получении паспортов представители первого поколения переселенцев, имевшие по матери и отцу белорусское происхождение, нередко выбирали национальность «русский». Об этом свидетельствуют как повторяющиеся устные рассказы старожилов, так и копии паспортов, найденные нами в сельских музеях или семейных архивах. К примеру, в экспозиции краеведческого музея при клубе д. Ермаки Викуловского р-на Тюменской обл. хранится копия паспорта, выданного в 1957 г. Босьяковой Лукерье Прокопьевне, 1886 г.р., рожденной в д. Рогинь Рогачевского уезда Могилевской губернии. В младенческом возрасте вместе с группой первопоселенцев из своей родной деревни она прибыла в Сибирь. В ее паспорте, полученном в возрасте 73 лет, указана национальность «русская».

Новые волны аграрных миграций из Белоруссии в Сибирь и на Дальний Восток продолжались и в советское время. Они были характерны для 1920–1930-х гг., а также послевоенного времени и были обусловлены рядом обстоятельств, среди которых опрошенные старожилы чаще всего называли попытку найти независимость на новом месте в период создания колхозов, репрессии, связанные с раскулачиванием, голодные годы и т.д. При этом после 1920-х гг., ознаменовавшихся политикой белорусизации, переселенцы уже четко отождествляли себя с белорусами, на что указы-

вают многочисленные рассказы информаторов. К примеру, Константин Иванович Граховский, 1929 г.р., вместе с раскулаченными родителями в 1930 г. был выслан на территорию современного Таборинского р-на Свердловской обл. Вспоминая детство, пришедшееся на 1930-е – первую половину 1940-х гг., он отмечал, что потомки столыпинских переселенцев из Белоруссии продолжали называть себя «самоходь», а раскулаченные спецпереселенцы из этих же мест считали себя белорусами. При этом у тех и других не было каких-либо заметных культурных различий, хотя отмечаются «тот же говор и те же обычаи».

Исследуя места компактного проживания потомков белорусских переселенцев, Е.Ф. Фурсова выделила поселенческие модели, характеризующие ситуации вытеснения, перманентности и стабильности (однородности), обусловленные процентным соотношением старожильческого населения и разных территориально-этнографических групп переселенцев в той или иной деревне [4. С. 350–352]. Так, в ситуации вытеснения численное превосходство переселенцев, подселенных в деревни старожилов, способствовало привнесению на их территорию свойственных переселенцам элементов традиционной культуры. Ситуация перманентности была характерна для поселений, в которых старожилы составляли не менее четверти населения, а его остальная часть состояла из ряда малочисленных групп переселенцев, приехавших из разных мест. В этом случае элементы традиционной культуры, характерные для старожилов, преобладали над культурными влияниями новопоселенцев. В ситуации стабильности новопоселенцы составляли подавляющее большинство жителей деревни, что обеспечивало сохранение на длительное время многих особенностей их традиционной культуры. Результаты полевых исследований указывают на то, что в большинстве случаев носителями исторической памяти и фрагментов этнических традиций, как правило, являются три первых поколения переселенцев. При этом, исследуя деревни, основанные выходцами из Белоруссии на территории Омского Прииртышья, М.Л. Бережнова отмечала: «В настоящее время следует говорить не о белорусах Омской области, а об их потомках, в среде которых сохраняется этногенетическая память и отдельные черты культуры» [26. С. 184]. Разделяя эту точку зрения, в качестве этнического статуса исследуемой нами группы мы считаем более уместным использование понятия не «белорусы», а «потомки белорусских крестьян-переселенцев».

Несмотря на затруднительность точного сопоставления результатов переписей населения 1926 и 2010 гг. ввиду произошедшего изменения административно-территориального деления регионов Сибири и Дальнего Востока, наглядно можно проследить одну важную демографическую тенденцию. Если для 1926 г. было характерным абсолютное преобладание сельского населения, отождествлявшего себя с белорусами, то в 2010 г. можно увидеть противоположную ситуацию, связанную с тем, что подавляющее число белорусов проживает в городах. В первую очередь ее можно объяснить тем, что, по примерным подсчетам, на территории Российской Федерации в период с

1926 по 2010 г. доля городского населения возросла с 18 до 74% [27]. Несмотря на отсутствие возможности получить хотя бы приблизительные количественные данные, можно предположить, что большая часть современного городского населения Сибири и Дальнего Востока, отнесшего себя по результатам переписи населения 2010 г. (табл. 2) к белорусам, не является потомками крестьян-переселенцев второй половины XIX – начала XX в., а принадлежит к более поздним волнам миграций, имевшим место в советский и постсоветский периоды [28]. Ярким примером этому служат данные по Тюменской области – региону Сибири, где на сегодняшний день проживает наибольшее число белорусов. В настоящее время на юге Тюменской области, на который приходились почти все аграрные миграции на территорию региона, живет 16% белорусов (из них всего 6,4% – в сельской местности). Оставшиеся 84% населения, отнесшего себя к белорусам, проживает в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, обосновавшись в них в результате трудовых миграций 1960–1990-х гг., связанных с развитием нефтегазодобывающего комплекса. На серьезные трансформации этнической самоидентификации потомков переселенцев также косвенно указывает упомянутая выше тенденция выбора ими в паспортах национальности «русский» и быстрая утрата исторической памяти у людей, переселяющихся из аграрной в городскую среду.

Таблица 2
Количество белорусов, проживающих на территории Сибири и Дальнего Востока, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г.³, чел.

Регион	Сельское население	Городское население	Всего
Тюменская обл.	3 146	22 502	25 648
В том числе:			
Ханты-Мансийский АО	947	13 756	14 703
Ямало-Ненецкий АО	556	5 921	6 840
Красноярский край	1 956	7 944	9 900
Иркутская обл.	1 324	6 605	7 929
Омская обл.	2 039	4 012	6 051
Кемеровская обл.	5 238	811	6 049
Приморский край	1 707	4 223	5 930
Новосибирская обл.	1 077	4 305	5 382
Алтайский край	2 031	2 560	4 591
Амурская обл.	2 193	1 969	4 162
Хабаровский край	1 004	3 800	4 804
Томская обл.	1 168	2 160	3 336

В 1996 г. был принят Федеральный закон № 74-ФЗ «О национально-культурной автономии». Он послужил стимулом для институционального оформления многих национальных землячеств. В числе прочих, на территории большинства регионов Сибири и Дальнего Востока были организованы белорусские национально-культурные автономии и другие формы общественных организаций. Цели и задачи их деятельности варьировались в разных регионах. В одних случаях акцент в них был сделан на развитие социально-экономических связей с Республикой Беларусь. В других национальных автономиях большее внимание было уделено сохранению и популяризации традиционной культуры белорусов, проживающих вдали от их родины. В таких организациях основная ставка

была сделана на развитие культурно-просветительской деятельности, создание белорусских фольклорных коллективов, возрождение национальных ремесел. Подобные объединения, расположенные, как правило, в областных административных центрах, начали уделять внимание сотрудничеству с учреждениями культуры и самостоятельными коллективами в местах компактного проживания потомков белорусских переселенцев, находящихся в сельской местности. Благодаря деятельности подобных объединений, а также повышению интереса к родословным и краеведческим исследованиям, в отдельных местах проживания потомков белорусских переселенцев сегодня наблюдается феномен своеобразного «этнического ренессанса». Исследование деятельности современных белорусских землячеств и культурных объединений, действующих на территории Сибири и Дальнего Востока, показало, что в первую очередь она связана с приданием этнического контекста проявляемому отдельными людьми ностальгическому интересу к истории своей семьи и малой родины. Изучая традиции предков и приобщаясь к ней, некоторые люди, узнавая об их происхождении, начинают отождествлять себя с белорусами, хотя ранее они не задумывались о своей этнической принадлежности. Следует отметить, что данная ситуация характерна лишь для избранного круга лиц, которые, как правило, проявляют активный интерес к местной истории, краеведению, фольклору и т.д. Часто по их инициативе продолжают поддерживаться отдельные самобытные традиции, привнесенные переселенцами на территорию Сибири и Дальнего Востока. К примеру, в основанной в 1895 г. выходцами из Гродненской губернии д. Новоберезовка Аромашевского р-на Тюменской области потомок первопоселенцев Н.В. Сальников, работающий заведующим клуба, собственными усилиями сохраняет существующую в деревне традицию колядований со звездой. В деревне Осиновка Викуловского р-на Тюменской обл. участники белорусского землячества и фольклорных коллективов Тюмени сохраняют единственный известный этнографам в Сибири и дошедший до наших дней обычай почитания и ежегодного переноса из дома в дом иконы «Свеча», привезенный переселенцами в конце XIX в. из Могилевской губернии [29]. Белорусские культурные объединения Иркутска, Томска, Новосибирска, Тюмени и ряда других городов организуют в деревнях, основанных переселенцами, реконструкции отдельных народных праздников и обрядов, осуществляют поддержку деятельности их фольклорных коллективов. Как правило, жители таких деревень чаще подчеркивают свою «белорускость». Однако в данном случае, ее следует рассматривать в большей степени не как продолжающее жить стихийное проявление исторической памяти, а скорее как «подогретое самосознание» [30. С. 76].

Выводы

Подвергая ретроспективному анализу трансформации этнического самосознания у потомков белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока в период со второй половины XIX в. до

наших дней, можно сделать вывод о том, что на них повлиял целый комплекс факторов.

Со второй половины XIX в. до 1920-х гг. самоидентификация крестьян, переселявшихся из Белоруссии в азиатскую часть России, складывалась стихийно. Благодаря внутреннему характеру миграций переселенцы отождествляли свою родину с Россией. При этом в их идентичности доминировала не этническая, а региональная дифференциация. В Сибири, начав проживать рядом с русским старожильческим населением, белорусские переселенцы получили своеобразный новопоселенческий социокультурный статус, который нашел свое отражение в широком использовании названия «самоход». Некоторые локальные сообщества переселенцев (такие как «панцирные бояре») привнесли на территорию Сибири самоназвания, отражавшие их сословный или социальный статус.

После установления советской власти, в 1920-е гг. начинается новый этап трансформаций этнического самосознания выходцев с территории Белоруссии, в котором стали доминировать административно-политические факторы, сопровождавшие процесс белорусизации. По результатам Всесоюзной переписи населения 1926 г. большинство переселенцев уже отождествляло себя с белорусами, однако в начале 1930-х гг. в связи с изменениями в национальной политике СССР процесс белорусизации был свернут.

В 1930–1940-е гг. такие социально-политические и экономические факторы, как коллективизация и индустриализация, а также последствия Великой Отечественной войны привели к серьезным демографическим изменениям в местах компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев. В результате процессов урбанизации и модернизации жизненного уклада советской деревни во второй половине XX в. все больше потомков белорусских крестьян-переселенцев начинают отождествлять себя с русскими либо просто не задумываются о своем этническом происхождении.

Начиная с 1990-х гг. наблюдается рост интереса отдельных профессиональных исследователей и любителей-энтузиастов к истории и традиционной культуре белорусских крестьян-переселенцев как к одному из достойных историко-культурного наследия. На этом фоне у отдельных людей, интересующихся традициями предков, начинает вновь проявляться белорусское самосознание. В последнее время в его формировании все чаще доминирует не межпоколенная историческая память, а опосредованные источники информации (архивные документы, этнографические описания, публикации в СМИ и Интернете и т.д.).

Таким образом, в разное время на особенности этнического самосознания выходцев из Белоруссии оказал влияние целый ряд демографических, политических и социокультурных факторов. Поэтому на сегодняшний день по отношению к рассмотренной нами группе представляется более уместным использование не этнонима «белорус», а понятия «потомки белорусских крестьян-переселенцев».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В переписи населения 1897 г. учитывалось лишь число граждан, владеющих белорусским языком, при этом белорусская национальность не выделялась как самостоятельная.

² Приведены данные по избранным округам с наибольшим количеством белорусского населения. В Уральской области данные представлены только по округам, входившим на момент крестьянских переселений в состав Тобольской губернии.

³ Приведены данные по избранным регионам, которые были в наибольшей степени затронуты крестьянскими переселениями из Белоруссии в период второй половины XIX – начала XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белорусы в Сибири. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2000. 146 с.
2. Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск : Наука-Центр, 2002. 241 с.
3. Фетисова Л.Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья. Владивосток : Примор. краевая организация Добровольного общ-ва любителей книг России, 2002. 240 с.
4. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск : Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2011. 424 с.
5. Традиционная культура белорусов во времени и пространстве. Минск : Беларуская навука, 2013. 579 с.
6. Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб. : Маматов, 2013. 288 с.
7. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Особенности этнокультурной идентичности белорусских переселенцев в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 3 (51). С. 124–129.
8. Фурсова Е.Ф. Этническая идентичность белорусских переселенцев юга Западной Сибири по архивным и полевым материалам // Вестник Российской нации. 2014. Т. 6, № 6. С. 328–338.
9. Крих А.А. Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета. 2015. С. 124–128.
10. Фетисова Л.Е. Трансформация пространства культуры восточных славян на дальневосточном фронтире // Славянский мир в контексте развития Тихоокеанской России и международных отношений в АТР : материалы науч.-практич. конф. Владивосток : Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2015. С. 114–128.
11. Богданович А.Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов : этнограф. очерк. М. : Слава! ; Форт-Профи, 2009. 160 с.
12. Majecki H. Problem samookreślenia narodowego Polaków w Polsce okresu międzywojennego // Загороддзе-3 : матэрыялы навук.-краязнаўч. канф. «Палесе ў XX стагоддзі», 1–4 чэрвеня 2000 г., г. Беласток. Минск : Тэхналогія, 2001. С. 156–157.
13. Ганцкая О.А., Григорьева Р.А. Белорусы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». М. : КМЦ ИЭА РАН, 1992. Вып. XXVI. 138 с.
14. Бережнова М.Л. Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильческого населения Сибири. Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. 266 с.
15. Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Крестьянские переселения белорусов в Азиатскую Россию: география и мифы идентичности // Ойкумена. 2014. № 3. С. 67–80.
16. Вешняков В.В. Панцирные бояре // Архив исторических и практических сведений относящихся до России 1860–1861 гг. СПб : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1861. Кн. 4. С. 79–94.
17. Громько М.М. Община в процессе переселения «панцирных бояр» Себежского уезда в Сибирь // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск : Наука, 1983. С. 19–31.
18. Федоров Р.Ю. Панцирные бояре в Западной Сибири: модель расселения и этнокультурная идентичность // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. Минск : Права і эканоміка, 2010. Вып. 9. С. 352–358.
19. Протоколы Десятого съезда РКП(б). М. : Партийное изд-во, 1933. 945 с.
20. Всесоюзная перепись населения 1926 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php (дата обращения: 3.03.2017).
21. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Пояснительные замечания и инструкционные указания. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/archiv04.php> (дата обращения: 3.03.2017).
22. Карский Е.Ф. Белорусы : в 3 т. Т. 1 : Введение в изучение языка и народной словесности. Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1903. 466 с.
23. Аргудяева Ю.В. Восточные славяне на юге Дальнего Востока. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2006. 239 с.
24. Федоров Р.Ю., Аболина Л.А. Региональные особенности народной архитектуры Ольгинского и Чугуевского районов Приморского края // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4. С. 11–21.
25. Жданович Е.Н. Таборы из века в век. Реж : Режевская типография, 2013. 500 с.
26. Бережнова М.Л. Опыт историко-этнографического картографирования мест расселения белорусов в Омской области // История и культура русских Сибири : сб. науч. тр. Омск, 2007. С. 166–184.
27. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Изменение численности населения России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf (дата обращения: 3.03.2017).
28. Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Национальный состав населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf (дата обращения: 3.03.2017).
29. Багашев А.Н., Федоров Р.Ю. Народные православные традиции белорусских крестьян-переселенцев в Зауралье // Уральский исторический вестник. 2013. № 2 (39). С. 56–63.
30. Галеткина Н.Г. Польская переселенческая деревня в бурятском окружении // Вестник Евразии. 1996. № 1 (2). С. 62–77.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

TRANSFORMATIONS OF ETHNIC IDENTITY IN DESCENDANTS OF BELARUSIAN PEASANTS-MIGRANTS IN SIBERIA AND THE FAR EAST

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 187–195.

DOI: 10.17223/15617793/423/26

Roman Yu. Fedorov, Institute of the Earth's Cryosphere of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen, Russian Federation); Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: r_fedorov@mail.ru

Keywords: Belarusians; ethnic identity; peasant migrations; Siberia; Far East.

The aim of the article consists in the research of transformations of ethnic identity in descendants of Belarusian peasants-migrants of Siberia and the Far East. The source basis of the research includes field data collected by the author in ethnographic expeditions on the territory of 12 regions of Siberia and the Far East during the period from 2009 to 2017, the national structure of the explored regions reflected in population censuses from 1897 to 2010 and also publications about local history of different years. Results of the research indicate that at the time of mass agrarian migrations of the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries the ethnic identity of most Belarusians was not created yet. Due to the internal nature of migrations, peasants identified their homeland with Russia. Their identity had regional rather than ethnic differentiation. In Siberia Belarusian migrants began to live near the Russian old resident population and received a new social and cultural status which found reflection in the wide use of the name “samokhod” (lit. “self-movers”). After the establishment of the Soviet power, administrative and political factors initiated the process of belarusization. Results of the All-Union population census of 1926 showed that most migrants already identified themselves with Belarusians. In the 1930s–1940s the socio-political and economic factors of collectivization and industrialization as well as the consequences of World War II led to serious demographic changes in places of compact accommodation of Belarusian peasants-migrants. As a result of urbanization and modernization of the way of life of the Soviet village in the second half of the 20th century, most descendants of Belarusian peasants-migrants began to identify themselves with Russians or just did not think about their ethnic origin. Since the 1990s, the author observes a growth of interest of professional researchers and amateur enthusiasts in the history and traditional culture of Belarusian peasants-migrants as in historical and cultural heritage. On this background, the Belarusian ethnic identity begins to develop again among people who are interested in traditions of their ancestors. Today, mediated information dominates in its formation rather than intergenerational historical memory. The author comes to a conclusion that during different periods of time a number of demographic, political, social and cultural factors had impact on features of ethnic identity of descendants of Belarusian peasants-migrants. Therefore, today it is considered more suitable to use the concept “descendants of Belarusian peasants-migrants” rather than the ethnonym “Belarusian” when referring to offsprings of people who moved from Belarus to Siberia and the Far East in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries.

REFERENCES

- Lamin, V.A. & Stashkevich, N.S. (eds) (2000) *Belorusy v Sibiri* [Belarusians in Siberia]. Novosibirsk: SB RAS.
- Bochanova, G.A. et al. (eds) (2002) *Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv.* [Essays on the history of Belarusians in Siberia in the 19th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka-Tsentr.
- Fetisova, L.E. (2002) *Belorusskie traditsii v narodno-bytovoy kul'ture Primor'ya* [Belarusian traditions in the people's culture of Primorye]. Vladivostok: Primor. kraevaya organizatsiya Dobrovol'nogo obshch-va lyubiteley knig Rossii.
- Fursova, E.F. et al. (eds) (2011) *Belorusy v Sibiri: sokhraneniye i transformatsii etnicheskoy kul'tury* [Belarusians in Siberia: the preservation and transformation of ethnic culture]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
- Titovets, A.V. et al. (2013) *Traditsionnaya kul'tura belorusov vo vremeni i prostranstve* [Traditional culture of Belarusians in time and space]. Minsk: Belaruskaya navuka.
- Chernykh, A.V., Goleva, T.G., Kamenskikh, M.S. & Shevyrin, S.A. (2013) *Belorusy v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii* [Belarusians in the Perm region: essays of history and ethnography]. St. Petersburg: Mamatov.
- Bagashev, A.N. & Fedorov, R.Yu. (2012) Osobennosti etnokul'turnoy identichnosti belorusskikh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri [Peculiarities of ethnocultural identity of Belarusian immigrants in Western Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 3 (51). pp. 124–129.
- Fursova, E.F. (2014) Etnicheskaya identichnost' belorusskikh pereselentsev yuga Zapadnoy Sibiri po arkhivnym i polevym materialam [Ethnic identity of Belarusian settlers in the south of Western Siberia from archival and field materials]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 6:6. pp. 328–338.
- Krikkh, A.A. (2015) [Belarusization in Tarsk Irtysh region: mechanisms of population registration and ethnographic “reality”]. *Etнологиya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of the Altai and adjacent territories]. Proceedings of the international conference. Barnaul: Barnaul State Pedagogical University. pp. 124–128. (In Russian).
- Fetisova, L.E. (2015) [Transformation of the culture space of the Eastern Slavs on the Far Eastern frontier]. *Slavyanskiy mir v kontekste razvitiya Tikhookeanskoy Rossii i mezhdunarodnykh otosheniy v ATR* [Slavic world in the context of development of Pacific Russia and international relations in the APR]. Proceedings of the conference. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS. pp. 114–128. (In Russian).
- Bogdanovich, A.E. (2009) *Perezhitki drevnego mirosozertsaniya u belorusov: etnograf. ocherk* [Remnants of the ancient world outlook among Belarusians: an ethnography essay]. Moscow: Slava!; Fort-Profi.
- Majecki, H. (2001) [Problem of self-identification of Polesugar in Poland during the interwar period]. *Zagorodze-3*. Proceedings of the conference “Polesie in the 20th century”. Belastok. 1–4 June 2000. Minsk: Tekhnalogiya. pp. 156–157. (In Polish).
- Gantskaya, O.A. & Grigor'eva, R.A. (1992) *Belorusy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk traditsionnoy kul'tury* [The Belarusians. Historical and ethnographic outline of traditional culture]. In: *Materialy k serii “Narody i kul'tury”* [Materials to the series “Peoples and Cultures”]. Vol. 26. Moscow: IEA RAS.
- Berezhnova, M.L. (2007) *Zagadka cheldonov: Istoriya formirovaniya i osobennosti kul'tury starozhil'cheskogo naseleniya Sibiri* [The mystery of the Chelodons: history of the formation and peculiarities of the culture of the old-timer population of Siberia]. Omsk: Omsk State University.
- Fedorov, R.Yu. & Bogordaeva, A.A. (2014) Krest'yanskie pereseleniya belorusov v Aziatskuyu Rossiyu: geografiya i mify identichnosti [Peasants' resettlement of Belarusians to Asian Russia: geography and myths of identity]. *Oykumena*. 3. pp. 67–80.
- Veshnyakov, V.V. (1861) *Pantsirnye boyare* [Armored Boyars]. In: *Arkhiv istoricheskikh i prakticheskikh svedeniy otosyashchikhsya do Rossii 1860–1861 gg.* [Archive of historical and practical information relating to Russia of 1860–1861]. Vol. 4. St. Petersburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E.I.V. Kantselyarii.
- Gromyko, M.M. (1983) *Obshchina v protsesse pereseleniya “pantsirnykh boyar” Sebezhskego uезда v Sibir'* [The community in the process of resettlement of “armored boyars” of Sebezhsky uезд to Siberia]. In: Rusakova, L.M. (ed.) *Obshchestvennyy byt i kul'tura russkogo naseleniya Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)* [Public life and culture of the Russian population of Siberia (18th – early 20th centuries)]. Novosibirsk: Nauka.
- Fedorov, R.Yu. (2010) *Pantsirnye boyare v Zapadnoy Sibiri: model' rasseleniya i etnokul'turnaya identichnost'* [Armored boyars in Western Siberia: a model of settlement and ethnocultural identity]. *Pytanni mastatsvaznaŭstva, etnologii i fal'klarystyki*. 9. pp. 352–358.
- Lukina-Bukharina, N. (ed.) (1933) *Protokoly Desyatogo s'ezda RKP(b)* [Protocols of the Tenth Congress of the RCP (B)]. Moscow: Partiynoe izd-vo.
- All-Union Population Census of 1926*. [Online] Available from: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php. (Accessed: 3.03.2017). (In Russian).
- All-Union Population Census of 1926. Explanatory notes and instructions*. [Online] Available from: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0267/axiv04.php>. (Accessed: 3.03.2017).
- Karskiy, E.F. (1903) *Belorusy: v 3 t.* [Belarusians: in 3 vols]. Vol. 1. Warsaw: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga.

23. Argudyaeva, Yu.V. (2006) *Vostochnye slavyane na yuge Dal'nego Vostoka* [Eastern Slavs in the south of the Far East]. Vladivostok: Far Eastern State University.
24. Fedorov, R.Yu. & Abolina, L.A. (2015) Regional'nye osobennosti narodnoy arkhitektury Ol'ginskogo i Chuguevskogo rayonov Primorskogo kraya. [Regional features of the folk architecture of the Olginsky and Chuguyevsky districts of Primorsky Krai]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 4. pp. 11–21.
25. Zhdanovich, E.N. (2013) *Tabory iz veka v vek* [Camping grounds from century to century]. Rezh: Rezhvskaya tipografiya.
26. Berezhnova, M.L. (2007) Opyt istoriko-etnograficheskogo kartografirovaniya mest rasseleniya belorusov v Omskoy oblasti [Experience of historical and ethnographic mapping of places of settling of Belarusians in Omsk Oblast]. In: *Istoriya i kul'tura russkikh Sibiri* [History and culture of Russian Siberia]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
27. State Statistics Committee. (2010) *Svodnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Izmenenie chislennosti naseleniya Rossii* [Consolidated results of the 2010 All-Russian Population Census. Change in the population of Russia]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf. (Accessed: 3.03.2017).
28. State Statistics Committee. (2010) *Svodnye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Natsional'nyy sostav naseleniya* [Consolidated results of the 2010 All-Russian Population Census. The national composition of the population]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/vol11/pub-11-4-2.pdf. (Accessed: 3.03.2017).
29. Bagashev, A.N. & Fedorov, R.Yu. (2013) Narodnye pravoslavnye traditsii belorusskikh krest'yan-pereselentsev v Zaural'e [Folk Orthodox traditions of Belarusian peasants-settlers in the Trans-Urals]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2 (39). pp. 56–63.
30. Galetkina, N.G. (1996) Pol'skaya pereselencheskaya derevnya v buryatskom okruzenii [Polish immigrant village in Buryat encirclement]. *Vestnik Evrazii*. 1 (2). pp. 62–77.

Received: 26 June 2017